

СИМПАТИ
ТАУЭР
ТОКИО

РИЭ КУДАН

INSPIRIA

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
К88

Rie Qudan
Sympathy Tower Tokyo
TOKYO-TO DOJO-TO
東京都同情塔

Copyright © Rie Qudan 2024
All rights reserved. Original Japanese edition published in 2024 by
SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd.
This Russian edition published by arrangement with SHINCHOSHA
Publishing Co., Ltd. c/o Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo
Author's photo ©SHINCHOSHA

Перевод с японского *Анны Слащевой*

Кудан, Риэ.

К88 Симпати Тауэр Токио / Риэ Кудан ; [перевод с японского А. Слащевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 192 с.

ISBN 978-5-04-210579-1

Добро пожаловать в Японию завтрашнего дня. Здесь практика радикального сочувствия преступникам стала нормой. Отныне они будут жить в грандиозном жилом комплексе «Симпати Тауэр Токио», в небоскребе, в самом центре города. Известному архитектору Саре Макина было поручено спроектировать новую центральную часть города, но она полна сомнений. Сара борется с противоречивыми эмоциями, ее отношения со своим великолепным — и гораздо более молодым — бойфрендом становятся все более напряженными. В поисках утешения и творческого вдохновения Сара обращается к всезнающему чат-боту с искусственным интеллектом...

Лауреат высшей литературной премии Японии «Симпати Тауэр Токио» — захватывающий роман одного из самых экстраординарных современных авторов. Частично вдохновленный беседами с искусственным интеллектом, он состоит из человеческого остроумия, трогательного исследования творчества и насмешки над беспощадным конформизмом нашего мира.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Слащева А., перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-210579-1

Возвращение Вавилонской башни. Строительство «Симпати Тауэр Токио»¹ смешает наши языки и повергнет мир в рассеяние. Только за ним будут стоять не те, кто, достигнув мастерства в строительстве, возгордился и возжелал построить башню до небес, тем самым призвав на себя гнев Божий. Теперь мы по собственной воле злоупотребляем и жонглируем словами, множим одни и избавляемся от других и, естественно, вскоре совсем перестанем понимать друг друга. Слова, слетая с кончика языка, превращаются в непонятный для окружающих монолог. Монолог захватил мир. Наступила эра Великого Монолога.

---

¹ Название книги в оригинале записано японской азбукой катакана, используемой для записи иностранных слов. — *Прим. пер.*

В черном глянцевом кафеле ванной комнаты, где смутно отражается мое тело, я вижу еще один вариант будущего. Архитекторы видят будущее. Будущее всегда открывается архитектору, даже если тот не планирует его увидеть.

Симпати Тауэр Токио?

Конечно, размышления о названии вовсе не входят в обязанности архитектора, и, какими бы сильными ни были сомнения, у него нет полномочий что-то менять, но тем не менее, когда сильная струя душа ударяет в лицо, —

Симпати Тауэр Токио

— звуки, буквы, значения, структуры власти, окружающие башню, — все это начинает меня беспокоить, и избавиться от этого я не могу.

До этого момента я совершенно спокойно про себя называла ее просто «башня». Даже во время обсуждения конкурса в бюро ее называли «типичной башней». Мне все равно, как ее назовут и какие эксцентричные варианты названий взбудоражат публику. В моем сознании она уже закрепилась как «башня», не более и не менее. Я уже все рассмотрела и сделала выбор:

для меня это обычная «башня», и я не буду вдаваться в суть проекта. В правилах архитектурных конкурсов не указано, что участники обязаны соглашаться с идеей проекта. Тем не менее, когда «башня» вдруг превратилась в «Симпати Тауэр Токио», она стала липкой, намертво впиталась в мозговые извилины. Смыть ее никакой водой было невозможно. По опыту, это плохой знак.

Беда. Что за беда? С головой. Не слишком ли широкое понятие «голова»? Напротив, скорее слишком узкое. Кроме того, слова «беда с головой» могут показаться дискриминационными по отношению к психически нездоровым людям. Уж лучше сказать, что с названием беда. Почему? Кто его придумал? Японцы? СТОП. Внимание на объем понятия. Ок, «японские эксперты»... Пусть моя голова заперта на замок и никто туда не может проникнуть, но внутренний цензор на автомате проверяет каждое слово. Я устаю от цензора, который существует вне моей воли и захватывает все большее пространство, и хочу быстро написать формулу, чтобы

подзарядиться бодростью. У формул есть только один правильный ответ. В математике можно не переживать, что ответ выйдет другим даже с учетом того или иного фактора. Мне нравится надежность и равенство цифр этого универсального всемирного языка. Но здесь, в ванной, нет формул. Есть только «Симпати Тауэр Токио», «Вавилонская башня», «эксперты».

То есть эксперты собрались, коллективно пораскинули мозгами и после длительных дискуссий не нашли ничего лучше, чем дать башне название курортного отеля? Слова «ничего лучше» звучат совершенно естественно, а следовательно, я воспринимаю этот факт негативно. «Негативно»? Слишком мягко и просто сказано. Моя интуиция просто кричит: «НЕТ». Такое вообще не должно существовать. Все мое тело буквально отторгает слова «Симпати Тауэр Токио». Да, когда я думаю, на что это похоже, я понимаю, что это похоже на изнасилование.

Я пытаюсь заполнить пространство между белым шумом от струй душа воспоминаниями, которые долгое время покоились в глубинах па-

мати. Меня изнасиловали. Это факт. Мужчина, сильнее меня, повалил мое тело, тело старшеклассницы, и изнасиловал его. И все же приравнивать ту девушку, у которой были другая кожа, другие желания, другое любопытство, к женщине-архитектору средних лет, которая здесь и сейчас стоит под душем, — это исказить действительность. Сейчас я бы и под страхом смерти не надела бы белые гольфы с такими лоферами. Поэтому пока буду временно называть ее иначе. Раз уж она любила математику, то ее будут звать «девушка-математик». Девушка-математик была изнасилована, и она повторяла «меня изнасиловали», но мужчина, который ее изнасиловал, сказал, а люди, которые его слушали, постановили, что «изнасилования не было». Они говорили, что «изнасилования не было», потому что девушка-математик встречалась с мужчиной, который ее изнасиловал, девушка-математик его любила, девушка-математик сама пригласила его домой. Девушка-математик не смогла найти слов, чтобы описать то действие, которое над ней совершил любимый мужчина,

таким образом, чтобы все признали, что это было изнасилование. Поэтому никто девушку-математика не насиловал.

Отсюда вывод: я не знаю, с какими страданиями сталкиваются жертвы изнасилований. У меня нет права говорить, что это «похоже на изнасилование». Это и неуважительно по отношению к настоящим жертвам насилия. Но даже если это неподходящая гипербола, нельзя отрицать, что здесь стоит живая женщина, которая ощущает, как слова «Симпати Тауэр Токио» давят, опрокидывают, валят, оскверняют ее. Может быть, если когда-нибудь настанет день, когда мое тело без моего согласия изнасилует «мужчина, которого я не любила и с которым я не встречалась», я пойму, что мои нынешние телесные ощущения на самом деле неправильны. Или, может быть, когда я познаю боль настоящего изнасилования, то смогу, выпятив грудь, публично заявлять, что это «похоже на изнасилование». И в тот день, когда я стану жертвой насилия, мои возражения против «Симпати Тауэр Токио» обретут мощь и убедитель-

ность. Нет. Пусть мне сейчас противно, но мне не нужно становиться жертвой насилия. У меня нынешней, взрослой, в итальянских туфлях-лодочках, есть и слова, и достаточно ума. То есть, говоря о мужчине, который меня «не насиловал», можно заменить слова «его любила» на «его не любила», а следовательно, «изнасилования не было» на «изнасилование было».

Можно?

Я хотела только ополоснуться под душем и смыть пот, но из-за ощущения грязи старательно намывала все тело и волосы. Дома я обычно моюсь поздно вечером, когда сильно устала, поэтому наношу на себя жидкий лосьон для тела и смываю его автоматическими движениями, которые ничем не отличаются от мытья посуды, но в отеле, где я остановилась впервые, «мытьё» под душем превращается в сознательный процесс.

Я могу выбрать один из четырех режимов на насадке душа. Позже я изучила сайт фирмы-производителя, где сообщалось, что режим «Туман» снабжен новейшей технологией *Ultra*

Fine Bubble. У обычных насадок для душа диаметр пузырька в струе составляет 0,3 миллиметра, а технология *Ultra Fine Bubble* основывается на использовании нанопузырьков до 0,000001 миллиметра в диаметре, тем самым «создавая беспрецедентно ультрамелкие пузырьки». Эти беспрецедентные пузырьки не только проникают в роговой слой кожи, счищая грязь, но и оказывают увлажняющий эффект на кожу и волосы.

Приятное ощущение от режима «Туман» на коже снова напоминает мне, что настоящая цель процесса мытья — очистка тела, а для очистки тела нужно очистить забитые поры. Сегодня каждый, кто заботится о гигиене, не просто «чистит зубы», но «удаляет налет». Вместо простой очистки поверхности зуба, следует сосредоточиться на очистке межзубного пространства и удалении налета с десен, чтобы предотвратить появление пародонтоза и кариеса. Следовательно, использование таких устаревших слов, как «чистка зубов» и «зубная щетка», не способствует гигиене ротовой полости у будущих поколений. А если это не способствует будущим по-

колениям, то оно не способствует и будущему в целом. Но вероятно, в этой области никто не собирается ничего менять, потому что стоматологи не заботятся о будущем. Или, может быть, в их интересах увеличить количество страдающих от кариеса. Опять интересы. Заявление какой группы прозвучит громче? А кстати, вы правда хотите, чтобы вас так глубоко чистили?

После того как я задаю этот вопрос немым порам, мыслями я снова возвращаюсь к «Симпати Тауэр Токио». Почему именно «Симпати Тауэр Токио»? Почему они решили, что название «Симпати Тауэр Токио» подходит больше других? И когда я вытираюсь полотенцем, то ответ приходит сразу же, и в нем нет ничего об объеме понятия.

Просто японцы хотят избавиться от японского языка.

И это не первый раз, когда японцы хотят избавиться от японского языка. В 1958 году телевизионную башню Токио назвали «Токио Тауэр», потому что в комитет по названию входили японцы, которые хотели избавиться от японско-

го языка. Самый популярный вариант у публики был «Башня Сёва». Затем шли «Башня Ниппон», «Башня Мира», «Башня Фудзи», «Башня века» и «Башня Фудзими», но в конце концов был выбран тринадцатый по популярности вариант, «Токио Тауэр», потому что один член жюри авторитетно сказал: «Она будет называться „Токио Таур” и никак иначе». Если бы выбрали самый популярный вариант, «Башня Сёва», то эта бело-красно-желтая башня сейчас выглядела бы реликтом давнего прошлого. Также наверняка и к людям, рожденным в эпоху Сёва, стали бы относиться как к чему-то старомодному и отжившему свое. Как результат, многие японцы убеждены, что «Токио Тауэр» — самое подходящее название для башни и не могут представить, чтобы она называлась иначе. Можно сказать, все восхищаются решением, которое было навязано. Демократия не способна предсказать будущее. Она не может его увидеть.

Я могу увидеть будущее.

Еще не воплотившееся будущее предстает как зрительная галлюцинация. Неспециалисты

могут назвать это талантом, экстрасенсорным восприятием, «артистическим вдохновением», но, конечно, это не что иное, как профессиональная болезнь. Ей страдает каждый архитектор, который хотя бы раз проектировал огромное здание. Чем больше масштаб здания и его влияние на городской ландшафт, тем сильнее болезнь. Нет смысла повторять бредовые фразы вроде «будущего никто не знает», когда задумываешь постройку, после возведения которой хода назад не будет.

Девяносто девять процентов двухмерных изображений этих зрительных галлюцинаций так и остаются двухмерными. И конечно, они не смогут «повергнуть мир в рассеяние». Чтобы воплотить идеальные фантазии архитектора, необходимы весьма материальные технологии. Расчет сметы и времени стройки. Бесстыдство пробраться к властям предрержащим. На скорую руку сляпанное оправдание того, почему здание выглядит именно так, чтобы даже полные профаны все поняли. Нехватка хотя бы одного из этих навыков — и мои наброски останутся укра-